

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

А. Д. Шмелев^{1, @}

¹ Московский педагогический государственный университет
@shmelev.alexei@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается роль языковых факторов в англосаксонской и континентальной правовых системах. В ней обосновывается представление, согласно которому в континентальной правовой системе важную роль играет лингвистическая экспертиза, тогда как в англосаксонской правовой системе решающая роль принадлежит языковой компетенции рядовых носителей языка. Высказывается мнение, что оптимальным способом получить адекватные результаты для континентальных правовых систем (в том числе для российской системы) было бы сочетание двух подходов, когда языковая компетенция рядовых носителей языка подвергается лингвистическому анализу, проводимому экспертом-лингвистом. Это мнение иллюстрируется разнообразными примерами, в том числе проблемами, возникающими в делах, связанных с гражданскими исками о защите чести и деловой репутации, а также знаменитым «делом о помидорах», когда Верховный суд США решал вопрос, являются ли помидоры фруктом или овощем. Кроме того, в статье обсуждается нечеткость формулировок и вытекающие из нее трудности применения закона «О государственном языке Российской Федерации» и принятых поправок к нему.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, англосаксонское право, континентальное право, повседневное словоупотребление, корпус.

Для цитирования: Шмелев А. Д. Здравый смысл и лингвистическая экспертиза в различных правовых системах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 214 – 219.

Сразу следует сформулировать основной тезис статьи. Он заключается в том, что при проведении лингвистического анализа с потенциальными правовыми последствиями полезно не ограничиваться подходом, вытекающим из специфики континентальных правовых систем (к которым принадлежит и российская правовая система), а учитывать также некоторые подходы, характерные для англосаксонской правовой системы – иными словами, опираться не только на формулировки законов, но и на здравый смысл, вытекающий из языковой компетенции рядовых носителей языка.

Известно, что в юридической практике лингвистического анализа могут требовать два типа текстов. С одной стороны, это тексты законов и подзаконных актов, в отношении которых возможен и желателен предварительный анализ, не зависящий от конкретного судебного разбирательства. Такой анализ был бы желателен еще на стадии принятия законов, и это, вообще говоря, уже давно признается всеми (*Прим. автора: «Целесообразность лингвистической экспертизы проектов законов и других нормативных правовых актов сегодня ни у кого не вызывает сомнений, и соответствующие структурные подразделения уже существуют в законодательных органах большинства субъектов Российской Федерации»* [4]). С другой стороны, это анализ текстов, которые служат непосредственным объектом судебного разбирательства. Именно такой анализ чаще всего проводится у нас в рамках так называемой лингвистической экспертизы. Как правило, при таком анализе требования закона воспринимаются как данность и задача состоит в том, чтобы соотнести с ними анализируемый текст.

Хотя, как уже говорилось, необходимость предварительного лингвистического анализа текста еще на

стадии законопроекта является почти общепризнанной, обычно если он и проводится, то оказывается довольно поверхностным. Так, регламент Государственной думы ограничивается указанием на то, что «лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов» (статья 121). В соответствии с этим положением сформулированы методические рекомендации Государственной думы от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов»: в них основное внимание уделяется стилистической стороне дела; речь идет не столько о тщательном лингвистическом анализе, сколько о редакторской работе. Чаще всего необходимость лингвистического анализа закона или подзаконного акта осознается, когда речь идет о правоприменении, т. е. в рамках уже начавшегося или намечаемого судебного процесса. В этом случае анализ касается не только текста закона как такового, но и возможности соотнести его с конкретной ситуацией, которая легла в основу судебного дела. При этом текст закона или подзаконного акта уже не подвергается критическому рассмотрению или тем более редактированию.

Между тем тексты действующих в настоящее время в России законов и подзаконных актов изобилуют темными местами и двусмысленностями, затрудняющими возможность однозначного толкования. Можно ограничиться одним примером, который затрагивает и лингвистические экспертизы второго типа (анализ текстов, которые служат непосредственным объектом судебного разбирательства). Речь идет о делах «о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических

лиц». Как известно, «иски по делам данной категории вправе предъявить граждане и юридические лица, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения» (из постановления пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г., статья 2). Уже из этой формулировки ясно, что основополагающими для дела являются три признака: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности (это подтверждается и в статье 7 цитированного постановления). Установления факта распространения сведений ответчиком, а также вопрос о соответствии или несоответствии их действительности находится вне компетенции эксперта-лингвиста; лингвистический анализ текста должен быть направлен на то, чтобы установить, являются ли сведения «порочащими». Здесь релевантным оказывается вопрос о лексическом значении глагола *порочить*, и оказывается, что она далеко не очевидна. Словарные толкования в данном случае мало что дают. Приведем толкование словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, который (в разных изданиях) регулярно используется при составлении лингвистических экспертиз (другие словари дают в общем ту же картину): «**порочить** — 1. Навлекать позор на кого-что-н., бесчестить. *П. честь мундира. П. свое имя.* 2. Осуждать, чернить. *П. чью-н. работу. П. своего противника.* // сов. *опорочить*». Мы видим, что у слова *порочить* выделено два значения: в первом значении речь идет о действиях, которые «навлекают позор» на того, кто совершает эти действия или на что-то с ним связанное; во втором случае глагол *порочить* обозначает речевое действие, направленное на другое лицо. В сочетании *порочащие сведения* имеет место метонимический сдвиг, поскольку формальным субъектом действия *порочить* оказывается не лицо, как это предполагается словарными толкованиями, а *сведения*. При этом представляется естественным соотнести причастие *порочащие* в этом сочетании со вторым значением, поскольку распространение сведений о другом лице представляет собою речевое действие; однако для однозначного вывода приведенное словарное толкование недостаточно. Можно попытаться понять, что означают использованные в толкованиях выражения *навлекать позор на кого-что-н., бесчестить, осуждать и чернить*; однако здесь словарь [7]водит нас по кругу. Выражение *навлекать позор* в словаре не толкуется, а близкий глагол *позорить*, истолкован как ‘то же, что *порочить*’; интересующее нас переносное значение глагола *чернить* толкуется точно так же: ‘то же, что *порочить*’; наконец, глагол *бесчестить* в интересующем нас значении истолкован как ‘позорить, порочить’. Круг замкнулся (очевидно, что значение глагола *осуждать*, поданному в словаре [7] как имперфектив к глаголу *осудить*, отстоит от значения глагола *порочить* слишком далеко и, скорее всего, он попал в толкование по недосмотру).

Более детальный семантический анализ глагола *порочить* приводит к следующим результатам [2, с. 222 – 223]. Глагол *(о)порочить* имеет две интерпретации, различающиеся тем, как говорящий оценивает репутацию лица, подвергаемого действию *(о)поро-*

чить. С одной стороны, когда говорят, что *Y-а порочит* (в глазах *Z-а*) его собственное поведение, предполагается, что говорящий считает поведение *Y-а*, по меньшей мере, неблагоприятным, как, напр., в сочетании *порочащие связи* (ср. *в связях, порочащих его, не замечен*). С другой стороны, когда говорят, что некто *X порочит Y-а* (в глазах *Z-а*), это может означать, что *X* намеренно сообщает (*Z-у*) об *Y-е* нечто такое, что должно скомпрометировать *Y-а* (в глазах *Z-а*), а говорящий чаще всего исходит из того, что эти сведения не соответствуют действительности. В обоих случаях говорящий не одобряет действие, которое он обозначает глаголом *порочить*. Поэтому, если *Y-а порочит* какой-то его собственный поступок (*Игра в карты опорочила честь его мундира*), то репутация *Y-а* оказывается подорванной не только в глазах *Z-а*, но и в глазах говорящего. Если же посредством глагола *(о)порочить* описывается речевой акт (*Она опорочила меня в его глазах*), то, поскольку говорящий не одобряет этот акт, мы понимаем, что он считает подрыв репутации *Y-а* необоснованным. Иными словами, в последнем случае глагол *порочить* называет речевой акт, который, по мнению говорящего, производится субъектом с неблагоприятной целью *опорочить*. Тем самым причастие *порочащие* в сочетании *порочащие сведения* можно соотнести с обоими значениями глагола *порочить* (с метонимическим сдвигом): в первом случае речь идет о распространении сведений о поступках какого-либо лица, которые могут *опорочить* это лицо; во втором – о распространении сведений, направленных на то, чтобы скомпрометировать некоторое лицо, причем говорящий считает, что это распространение можно обозначит глаголом *порочить* (в обоих случаях имеет место подрыв репутации этого лица, но оценка этого подрыва говорящим различна).

Исходя из сказанного, оказывается затрудненным объективный лингвистический анализ текста, чтобы решить, применимо ли к содержащимся в нем сведениям определение *порочащие*. Глагол включает в свое значение мнение говорящего; тем самым лингвист, давая экспертную оценку, вынужден апеллировать к субъективному мнению того, кто употребляет этот глагол, – по здравой логике, это означает, что применимость или неприменимость этого определения зависит от субъективных факторов. Отсюда возникает желание объективировать процедуру принятия решения по данному вопросу.

Такая объективация содержалась в соответствующих постановлениях Верховного суда. Комментарий, данный в постановлении пленума Верховного суда Российской Федерации от 18.08.1992 № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (в редакции постановления пленума Верховного суда от 25.04.95 № 6) гласит: «Порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и

общественную деятельность, деловую репутацию и т. п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». Очевидно, что комментарий ориентирован на второе значение глагола *порочить* и предполагает, что, во-первых, анализируемый текст содержит некоторое утверждение (о нарушении лицом «действующего законодательства или моральных принципов»), а во-вторых – что это утверждение не соответствует действительности (и потому является необоснованным). Понятно, что лингвист не имеет полномочий решать, соответствуют ли действительности те или иные утверждения; тем самым он не может однозначно ответить на вопрос, являются ли сведения, о которых идет речь, *порочащими*. Разумеется, всегда существовала возможность корректного ответа на вопрос, являются ли сведения *порочащими*, напр.: «Сообщаемые в тексте сведения содержат / не содержат утверждения о нарушении законодательства и/или моральных принципов; при этом я не имею возможности определить, соответствуют ли эти утверждения действительности». Более того, существовала возможность корректного вопроса, обращенного к эксперту, а именно: «Содержат ли сообщаемые в тексте сведения утверждения о нарушении законодательства и/или моральных принципов?» Однако формулировка данного постановления содержала и другую ловушку, хотя и не столь бросающуюся в глаза. Разъяснение в скобках, что понимается под «нарушением действующего законодательства или моральных принципов», содержало логическую ошибку (замкнутый круг), поскольку определяло слово *порочащие* через само это слово: «...и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т. п.»; кроме того, в нем содержалось несколько туманное выражение относительно «неправильного поведения в трудовом коллективе, быту», которое требовало интерпретации (впрочем, поскольку речь шла о замечании в скобках, все это не попадало в фокус внимания).

Однако впоследствии было принято уже упомянутое выше постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, в котором признак «несоответствия действительности» рассматривается отдельно и не считается более необходимым условием признания сведений *порочащими* (тем самым определение переориентировано на первое значение глагола *порочить*). Новое определение гласит: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица». Мы видим, что устранена логическая ошибка толкования слова через само это слово. Однако в новой формулировке обращает на себя внимание оборот «в частности»: означает ли он,

что перечень открыт и под определение *порочащих сведений* может попасть еще что-то, не упомянутое в постановлении? Кроме того, даже если отвлечься от этой неясности, остается не вполне понятным, что понимается под «неправильным, неэтичным поведением в личной, общественной или политической жизни»: обозначают ли определения *неправильное* и *неэтичное* одно и то же или это разные вещи? Ирина Левонтина саркастически писала в связи с этой коллизией: «Вот, например, ходить зимой без шапки – правильно? А когда девушка ночью возвращается домой по неосвещенной улице – разве это правильно?<...>А если про судью написать, что он зевнул или почесался? Это ведь тоже неправильное поведение!» [6]

Представляется, что в связи с возникающими в таких случаях вопросами было бы любопытно обратиться к англосаксонской судебной практике, тем более что в глобальном мире многие элементы англосаксонского права заимствуются другими правовыми системами, в том числе российской (Прим. автора: Так, в российский правовой обиход вошло сочетание «разумный срок», до сих пор вызывающее недоумение у людей, привыкших к континентальной правовой системе, и вопрос: «“Разумный срок” – это сколько?» Дело в том, что само сочетание разумный срок представляет собою кальку английского выражения *reasonable time*, являющегося в англосаксонской правовой системе точным термином, опирающимся на «здравый смысл»). Важной особенностью англосаксонской правовой системы может считаться то значение, которое она придает здравому смыслу, считающемуся общим достоянием всех здравомыслящих людей (отсюда обозначение *commonsense*). Соответственно, и вопросы, связанные с использованием языка, решаются не столько посредством лингвистической экспертизы, сколько апелляцией к повседневному словоупотреблению носителей языка и восприятию ими текста (кроме специально оговоренных случаев).

Сказанное можно иллюстрировать на примере знаменитого дела о помидорах, уже проанализированного мною в иной связи [11; 9]. Дело рассматривалось Верховным судом США в 1893 г.; обсуждался вопрос о том, следует ли классифицировать помидор (*tomato*) как фрукт (*fruit*) или овощ (*vegetable*). Дело в том, что Тарифный акт от 3 марта 1883 предписывал взимать ввозные пошлины с овощей, но не фруктов; соответственно, Никсы, которые занимались импортом помидоров, подали в суд на таможенника Эдварда Хеддена, оспаривая законность решения о взыскании с них пошлин. Они ссылались на то, что с ботанической точки зрения помидор должен квалифицироваться как *fruit*. Суд, однако, единодушно отказал в удовлетворении иска, указав, что употребление таких слов, как *tomato*, в коммерческом языке ориентировано на повседневное употребление, а не на научную терминологию. (Прим. автора: Следует иметь в виду, что здесь играла роль неоднозначность английского слова *fruit*: оно обозначает как «плод» (часть растения, развивающуюся из цветка), так и «фрукт» (часть растения, используемую в пищу определенным образом)). Это дело создало прецедент (что чрезвычайно существенно для англосаксонской пра-

новой системы). Конечно, сама по себе апелляция к здравому смыслу и повседневному словоупотреблению не устраняет возможных неясностей в тексте законов, но часто позволяет разрешить возникающие коллизии.

В связи с этим можно упомянуть о деле, в котором рассматривался принятый в 1956 закон города Цинциннати, который объявлял незаконным, чтобы три человека или более собирались без предварительного уведомления на тротуаре таким образом, что это мешает прохожим и «раздражает» их (*inapanningmanner*). Что понималось под «раздражением», не уточнялось, но за нарушение закона полагался штраф в 50 долларов, или от одного до тридцати дней тюремного заключения, или и то, и другое. Закон оставался в силе в течение 15 лет, и полицейские стали использовать его как повод для ареста студентов, устраивающих демонстрации. В 1971 группа студентов, устроивших такую демонстрацию и приговоренных к штрафу, предпочла не платить штраф, но, потратив значительно больше денег на адвокатов, доказать в суде, что закон является неконституционным. Дело дошло до Верховного суда США, который большинством голосов постановил, что закон действительно является неконституционным, поскольку ограничивает свободу слова и свободу собраний, причем произвольным и неопределенным образом: то, что может быть «раздражающим» для одного, не является таковым для другого. Иными словами, закон, по мнению суда, содержал выражение, допускающее лишь субъективную интерпретацию, и поэтому было «нечестно» (*unfair*) использовать закон в том виде, как он был сформулирован. (Прим. автора: Здесь оказывается релевантным еще один концепт, ключевой для английского языка и для англосаксонской правовой системы, – концепт *fairness*, или «честной игры» (*fairplay*). Об этом концепте см., напр., [12, с. 141 – 167] и указанную там литературу).

Думается, что элементы такого подхода могли бы быть использованы и в российской практике, в частности при проведении лингвистических экспертиз. Применительно к рассмотренному выше постановлению пленума Верховного суда России это означает, что прилагательное *неправильное* в нем может просто не приниматься во внимание, будучи слишком неопределенным и не допускающим иной интерпретации, кроме субъективной. Это не значит, что следует отказаться от всего постановления: за вычетом данного прилагательного (и оборота *в частности*) оно вполне может служить базой для лингвистической экспертизы текстов в средствах массовой информации.

Собственно, идея, что лингвистическая экспертиза во многих случаях должна опираться на данные повседневного словоупотребления, в том числе в том виде как они представлены в различных корпусах, в большей мере, нежели на данные словарей, которые могут содержать ошибки и неточности, разделяется едва ли не большинством профессиональных лингвистов-экспертов (Прим. автора: См., в частности, [1, с. 475 – 527; 4]). Однако суды часто неохотно принимают экспертные заключения, которые подтверждены не данными авторитетных словарей, а ссылкой

ми на повседневное употребление языка (пусть даже и проанализированное с использованием корпусных данных).

Наконец, следует упомянуть еще один тип текстов, настоятельно требующих анализа, проведенного профессиональными лингвистами. Речь идет о законах, непосредственно регулирующих употребление языка; особенно это касается законов, вводящих те или иные языковые запреты и ограничения. Как правило, такие законы написаны лингвистически безграмотно (это связано с тем, что предварительная лингвистическая экспертиза законопроекта, по-видимому, не проводилась или сводилась к редакторской правке), что делает их негодными к применению. Это касается в частности печально знаменитого «Закона о государственном языке...». Текст первого варианта закона, принятого Думой в феврале 2003 г., содержал такое количество несуразностей и нестыковок (о них см., напр. [5; 8]), что этот закон, прошедший в Думе три чтения, не был утвержден Советом Федерации и был возвращен на доработку. Однако два с лишним года спустя закон «О государственном языке Российской Федерации» в новой версии, был принят Государственной думой и утвержден в мае 2005, несмотря на протесты лингвистов; при этом текст закона почти не подвергся изменениям, во всяком случае целый ряд одиозных мест в нем сохранился [10]. Поправки, внесенные в этот закон (они сформулированы в Федеральном законе Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка»), устранили ряд несуразностей, которые обнаруживались в тексте закона, но внесли новые.

Так, часть 6 статьи 1 после слов «литературного языка» дополнена уточнением в скобках, и в результате текст стал читаться так: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Это уточнение совершенно излишне: и без него всем понятно, что нецензурная брань не соответствует «нормам литературного языка».

Был дополнен пункт 7 статьи 4, в результате чего он стал читаться так: «В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции: <...> 7) осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации», в том числе за использованием слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, путем организации проведения независимой экспертизы». В таком виде пункт не имеет смысла. В современном русском языке имеется множество явлений, в отношении степени нормативности которых мнения экспертов расходятся. Это касается всех уровней языковой системы:

произношения отдельных слов, места ударения (в том числе при словоизменении: склонении и образовании форм множественного числа существительных, спряжении глаголов), моделей управления глаголов, целого ряда синтаксических конструкций и т. д.

Пункт 9 части 1 статьи 3 стал читаться так: «[Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:] 9) в продукции средств массовой информации; 9¹) при показах фильмов в кинозалах; 9²) при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий». Кроме того, часть 1 статьи 3 была дополнена следующим пунктом: «1¹. В сферах, указанных в пунктах 9, 9¹, 9² и 10 части 1 настоящей статьи, и в иных предусмотренных федеральными законами случаях наряду с государственным языком Российской Федерации могут использоваться государственные языки республик, находящихся в составе Российской Федерации, другие языки народов Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, также иностранные языки». В итоге внесенных изменений удалось устранить неясный и противоречивый пункт 9, который в прежней формулировке читался так: «[Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:] 9) в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исклю-

чением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла». Однако новая формулировка рассматриваемого пункта 9 тоже не лишена недостатков. В частности из нее вытекает тотальный запрет на публичное исполнение или публикацию в средствах массовой информации произведений классической литературы. Нет практически ни одного произведения русской классической литературы, в котором не содержались бы те или иные отклонения от строгих норм современного литературного языка: диалектизмы, элементы просторечия, устаревшие слова и выражения.

Представляется, что, когда речь идет о таких законах, непосредственно касающихся функционирования языка, гражданский долг лингвистов включает в себя непредвзятый анализ и критическую оценку текста законов. И в этом анализе, как и в прочих случаях, лингвистический профессионализм должен сочетаться со здравым смыслом, чтобы учесть разные аспекты функционирования русского языка во всем их многообразии при преимущественном внимании к повседневному языку.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика позора // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 216 – 234.
3. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 11 – 58.
4. Котов А. А., Минеева З. И. Использование национального корпуса русского языка при проведении лингвистической экспертизы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2(26) С. 99 – 103.
5. Кронгауз М. А. Родная речь как юридическая проблема // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 497 – 501.
6. Левонтина И. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2(23). Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/bukva-i-zakon-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 01.02.2016).
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: АзъLtd, 1992. 960 с.
8. Шмелев А. Д. Вопросы языкознания в Государственной думе // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 490 – 496.
9. Шмелев А. Д. «Дело о помидорах»: научная терминология или бытовой язык // Терминология и знание. М., 2010. С. 159 – 166.
10. Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. 2005. № 2(23). С. 18 – 35.
11. Шмелев А. Д. The tomato case reopened. Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/SlovoJazyk2010.pdf> (дата обращения: 01.02.2016).
12. Wierzbicka A. English: meaningandculture. New York: Oxford University Press, 2006. 352 p.

Информация об авторе:

Шмелев Алексей Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка РАН, shmelev.alexei@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 31.03.2016 г., принята к печати 20.06.2016 г.

COMMON SENSE AND LINGUISTIC EXAMINATION IN DIFFERENT LEGAL SYSTEMS

Shmelev Alexei D.^{1, @}

¹ Moscow Pedagogical State University
@ shmelev.alexei@gmail.com

Abstract: The paper discusses the role of linguistic examination in civil law and common law legal systems. It argues that while it is forensic linguistic expertise that often plays an important role in civil law systems, the lay people's opinion is crucial in common law systems. It suggests that the best way to obtain adequate results for civil law systems (including the Russian legal system) is to combine the two approaches, that is, to make use of an expert linguistic analysis of the linguistic competence of lay speakers of the language in question. Various examples illustrate the point (among them the problems arising in civil suits of honor protection and business reputation defense as well as the famous "tomato case", in which the United States Supreme Court addressed whether a tomato was classified as a fruit or a vegetable). In addition, the paper discusses vague wording and consequent difficulty of implementation of the "Federal Law on the National Language of the Russian Federation."

Keywords: linguistic examination, common law, civil law, everyday usage, corpus.

For citation: Shmelev A. D. Common sense and linguistic examination in different legal systems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 214 – 219.

References

1. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007, 592.
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Grammatika pozora* [Grammar of shame]. *Logicheskii analiz iazyka: iazyki etiki* [Logical analysis of language: Languages of ethics]. Moscow, 2000, 216 – 234.
3. Golev N. D. Iuridicheskii aspekt iazyka v lingvisticheskom osveshchenii [Legal aspect of the language in the linguistic illumination]. *Iurilingvistika – Jurilinguistic*, no. 1 (1999): 11 – 58.
4. Kotov A. A., Mineeva Z. I. Ispol'zovanie natsional'nogo korpusa russkogo iazyka pri provedenii lingvisticheskoi ekspertizy [Using the national corpus of the Russian language when carrying out a linguistic expertise]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*, no. 8-2(26) (2013): 99 – 103.
5. Krongauz M. A. Rodnaia rech' kak iuridicheskaya problema [Native language as a legal problem]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2 (2003): 497 – 501.
6. Levontina I. Bukva i zakon. Sudebnaia lingvisticheskaya ekspertiza [The Letter and the law. Forensic linguistic expertise]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2(23) (2005). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/bukva-i-zakon-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza> (accessed 01.02.2016).
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Az" Ltd, 1992, 960.
8. Shmelev A. D. Voprosy iazykoznanii v Gosudarstvennoi dume [Linguistic Questions in the State Duma]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2 (2003): 490 – 496.
9. Shmelev A. D. «Delo o pomidorakh»: nauchnaia terminologiya ili bytovoi iazyk ["The case of the tomatoes": scientific terminology or everyday language]. *Terminologiya i znanie – Terminology and knowledge*. Moscow, 2010, 159 – 166.
10. Shmelev A. D. Lozhnaia trevoga i podlinnaia beda [A False alarm and true trouble]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2(23) (2005): 18 – 35.
11. Shmelev A. D. *The tomato case reopened*. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/SlovoJazyk2010.pdf> S. 272-281. (accessed 01.02.2016).
12. Wierzbicka A. *English: meaning and culture*. New York: Oxford University Press, 2006, 352.

Received 31.03.2016, accepted 20.06.2016.